

14. См.: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979.

15. Формула, определившаяся в историософской статье Г.П. Федотова (1937, в эмиграции); см: *Федотов Г.П.* Певец империи и свободы // *Пушкин в русской философской критике.* Конец XIX–XX в. М.; СПб.: Университетская книга. С. 378–395.

16. *Остафьевский* архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым: в 4-х т. СПб., 1899–1913. – Т. 2. СПб., 1899 / Репр. изд.: М.: Век; АПП «Джангар». Элиста, 1994. С. 274–275.

17. В письме С.Н. Бегичеву. 7 декабря 1825 г. Станица Екатериноградская (*Грибоедов А.С.* Сочинения. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1953. С. 543–544).

18. «Эпilog неожиданно переносит нас от частного человеческого сюжета на поле государственной истории, и певец «священной свободы» славит победы «русского меча» над «дикой вольностью» гордых сынов Кавказа <...> Пушкину важен этот фон большой истории, нужна история как действующее лицо его поэзии; душевное дело, драма героев совершается в зоне исторической борьбы» (*Сурат И., Бочаров С.* Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 30).

19. Осудившие поэта за строки «кровавой» оды победителям не слышат его голоса уже почти двести лет. Ср.: «Здесь, несомненно, налицо погрешность против нравственного, а следовательно, и художественного такта. Это юношеское увлечение насильем в гимне империи находит свою параллель в оде «Вольность» – гимне свободе», – морализирует Г.П. Федотов (Указ. соч. С. 381).

20. Когда вся страна замерла в ожидании приговора декабристам – «друзьям, товарищам, братьям» (XIII, 291) Пушкина, он пытается поддержать, приободрить А.А. Дельвига: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора.

<...> Не будем ни суеверны, ни односторонни <...>; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (Начало февраля 1826 г. Михайловское – XIII, 259).

21. Подробно см. в указанной выше работе: *Кичикова Б.А.* «Желай мне здравия, Калмык!»: историко-литературный комментарий к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг. С. 61–77.

22. Цит. по: *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая. С. 202–203, примеч. 101.

23. «Новизна стихотворения «Калмычке», – пишет Е.П. Никитина, – заключается в том, что новая героиня служит утверждению демократизирующегося эстетического идеала. Модная ложа и кибитка уравниены. <...> смелое обновление тем, введение новых героев, расширение жанровых границ определялось углублявшимся пониманием смысла человеческого равенства. <...> Это стихотворение вписывается в контекст целого этапа творчества Пушкина, как всегда, сводящего воедино многие нити предшествующего периода и заключая в себе зерна будущих созданий» (*Никитина Е.П.* Стихотворение Пушкина «Калмычке» // *Юлиан Григорьевич Оксман* в Саратове. 1947–1958 / отв. ред. Е.П. Никитина. Саратов: Колледж, 1999. С. 208–209).

24. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в 2-х т. Т. 1: 1799–1824. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 184. Заслуживший широкое признание российского читателя, вдохновенный труд Ариадны Владимировны писался в эмиграции (1923–1939) и вышел в Лондоне в 1948 г. Писательница принадлежала к тому же старинному роду новгородских дворян Тырковых, что и Александр Дмитриевич Тырков (1799–1843), лицейский товарищ поэта (19 октября 1828 г. на квартире А.Д. Тыркова праздновали семнадцатую лицейскую годовщину). Между тем О.Н. Михайлов во вступительной статье к книге А.В. Тырковой-Вильямс об этих родовых (и лицейских) истоках пушкинолюбия автора даже не упоминает.

ББК 81.2(2Рос=Калм)

МОДАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ (на материале современного калмыцкого языка)

Н.М. Мулаева

В данной статье рассмотрена модальность желательности и средства ее выражения на материале современного калмыцкого языка.

Ключевые слова: *модальность желательности, лексемы, средства, конструкции.*

In this article we consider modality of desirability and facilities of its expression on materials of the modern Kalmyk language.

Keywords: *modality of desirability, lexemes, facilities, constructions.*

Цель настоящей статьи - рассмотреть модальность желательности и средства ее выражения на материале современного калмыцкого языка.

Модальность желательности в калмыцком языке рассматривалась в «Грамматике калмыцкого языка» [1], в трудах Р.П. Харчевниковой [2], В.Н. Мушаева [3], в бурятском и

монгольском языках - в исследованиях П.П. Дамбуевой [4, 5], Ю. Мөнх-Амгалана [6].

П.П. Дамбуева считает, что значение желательности реализуется в отношениях субъекта и действия, в основе которых лежат причины внутреннего, субъективного характера, и выделяет четыре разновидности модальности желательности по семантике: а) «запланированное желание»; б) «желание, выражающее большой интерес»; в) «желание, мотивированное целесообразностью»; г) «пожелание» [7, с. 112].

Р.П. Харчевникова пишет, что «основное значение формы желательного наклонения определяется ведущей семантикой этого наклонения, т.е. модальностью желания и намерения. Однако не «исключено и наличие целого ряда модальных оттенков, семантически близких с оптативной модальностью, таких, как долженствование, необходимость, условие и т.п.» [8, с. 78-79].

В монографии В.Н. Мушаева говорится, что внутриязыковую основу выражения желательной модальности в калмыцком языке составляют средства различных уровней языка, выделенные на основе общности семантических функций. В работе выделены основные (центральные) ядерные компоненты микрополя желательной и предостерегательной модальности - синтетические формы желательного наклонения:

а) с аффиксом *-ca/-cə*: *harca* “выйду-ка”, *ircə* “приду-ка”;

б) с аффиксами *-c*, *-cu/-cy*: *уйсв* “сошью”;

в) с аффиксом *-ий* (имеет лишь значение множественного числа): *көдлий* “поработаем”, *келий* “скажем”;

г) форма 3-го лица, не имеющая числа, образуется присоединением к основе глагола параллельно существующих аффиксов *-г* и *-тха/-тхэ*: *хэрг* - *хэртхэ* “пусть спит”, *зург* - *зуртха* “пусть рисует” [9, с. 275].

В желательных высказываниях говорящий характеризует описываемую ситуацию как желательную в своей реализации или - в отрицательных предложениях - как нежелательную. Желательность, с одной стороны, может быть отнесена к ряду значений, связанных с понятием потенциальности, а с другой - включается в ряд значений, охватываемых понятием коммуникативной установки высказывания, т. е. одно и то же

значение в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается, может входить в разные ряды. К тем же двум рядам, например, может быть отнесено значение повелительности [10, с. 132].

В высказывании желание, как правило, исходит от самого говорящего. Например: *Би эврэннь тускар тиим үг дэжэ соңсхар седжэхив* “Я больше не желаю слышать подобных высказываний в свой адрес”; *Гемтэ болв чигн эврэннь куүкдэн йир икэр үзхэр седжэнэв* “Хоть и болею, но очень сильно хочу увидеть своих детей”; *Би медхэр седлэв* “Я желал бы знать”; *Би унтх санатав* “Я хочу спать”.

Для выражения модальной семантики желания в калмыцком языке используют следующие средства: а) конструкции, содержащие модальные лексемы желания; б) конструкции с формами повелительного наклонения; в) конструкции с формами желательного наклонения; г) конструкции с традиционными формулами.

Рассмотрим их подробнее.

Конструкции с модальными лексемами желания. К модальным лексемам с семантикой желания в калмыцком языке относятся глаголы *дурлх* “желать, хотеть”, *седх* “хотеть, намереваться”, *белдх* “намереваться, собираться”, *санх* “намереваться, собираться, хотеть”, а также словосочетания типа *дурн курх* “хотеть”, *дурн бээнэ* “есть желание” и др.

Модальные глаголы *седх* “хотеть, намереваться”, *дурлх* “желать, хотеть” употребляются для выражения желания, относящегося к действиям и состояниям говорящего. Данные глаголы употребляются в структурах, где говорящий готов применить волю: “хочу и собираюсь сделать так, чтобы мое желание исполнилось”. Например: *Ода би чамас үнн үг соңсхар седжэнэв* “Теперь я хочу услышать от тебя всю правду”; *Би эн хотна йосн эзн болхар седжэнэв* “Я хочу стать настоящим хозяином этого хотона”.

Конструкции с вышперечисленными лексемами могут употребляться также и в отрицательном аспекте (модальность нежелательности). По мнению Ю. Мөнх-Амгалана, противоположная сторона желательного модального значения предполагает нежелательное модальное значение, которое имеет свою характерную особенность: оно

употребляется не только в значении простого отрицания, но и других модальных значений, таких как невозможность, необходимость, запрет, отрицание» [11, с. 28-29]. Например: *Йовхар седжэхив* “Не собираюсь идти”; *Сурхар бээхив* “Не желаю учиться”.

Словосочетания типа *дурн бээнэ* “есть желание” и *дурн уга* “нет желания” используются в положительных и отрицательных высказываниях. Например: *Цааранднь энд көдлх дурн бээнэ* “Есть желание и дальше продолжать здесь работать”; *Теднэһур йовх дурн тас уга* “Идти к ним нет абсолютно никакого желания”.

Конструкции с формами повелительно-го склонения. Значение желательной модальности очень тесно связано со значением побудительной модальности. Поэтому для выражения желательной модальности характерно использование форм повелительного склонения [12, с. 137-141]. Р.П. Харчевникова отмечает, что формы повелительного склонения сугубо объективны, побудительная модальность, выражаемая ими, обусловлена наличием побудительности и обращенностью к собеседнику [13, с. 66].

Формы повелительного склонения 2-го или 3-го лица выражают пожелание или проклятие: *Бас мини мөрэр бичкэ одич*. *Мини мөрэр бичэ одич* “Не повторяй моего пути. Не иди по моему пути”; *Эрүл-менд, бат кишигтэ болтн* “Будьте здоровы и счастливы”; *Менд йовцхатн! Маниг бичэ марттн!* “Идите с миром! Нас не забывайте!”; *Алтн жолаһан зөв эргүлж ирж буух болтха!* “Благополучно возвращайтесь из дальнего похода, успешно завершив дело!”; *Харһуц биш үкэ* “Пусть не только потеряет сознание, но и умрет”.

Конструкции с формами желательного склонения. Желательное склонение выражает желание и намерение говорящего осуществить действие самому, либо пожелание, просьбу, совет, позволение второму или третьему лицу, чтобы какое-нибудь действие было совершено. Основное значение формы желательного склонения определяется семантикой этого склонения,

т. е. модальностью желания и намерения [14, с. 78]. Например: *Яал үдин аңхунд холиһэд күрэд одсув* “Ровно в полдень спокойно приду”; *Ах дү хойр больй* “Давай станем братьями”; *Хамдан йовий* “Пойдем вместе”.

Конструкции с традиционными формулами. Для выражения модальной семантики пожелания в определенных ситуациях используются определенные формулы типа *Сэн бээтн!* “До свидания”.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что модальность желательности достаточно подробно исследована на материале различных монгольских языков. В современном калмыцком языке модальность желательности выражается морфологическими и синтаксическими средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
2. Харчевникова Р.П. Система глагольных склонений в современном калмыцком языке: учеб. пособие. Элиста: Калм. ун-т, 1995. 94 с.
3. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста. 2005. 381 с.
4. Дамбуева П.П. Сопоставительно-типологическое исследование модальности в бурятском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1994. 155 с.
5. Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке: дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 353 с.
6. Мөнх-Амгалан Ю. Категория модальности в современном монгольском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Батор, 1997. 57 с.
7. Дамбуева П.П. Указ. соч.
8. Харчевникова Р.П. Указ. соч.
9. Мушаев В.Н. Указ. соч.
10. Кызласова И.Л. Категория модальности в хакасском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 185 с.
11. Мөнх-Амгалан Ю. Указ. соч.
12. Кызласова И.Л. Указ. соч.
13. Харчевникова Р.П. Указ. соч.
14. Харчевникова Р.П. Указ. соч.